

Jo B. Paoletti. *Pink and Blue: Telling the Boys from the Girls in America.* Bloomington, IN: Indiana University Press, 2012. 169 p.

Платья мальчиков в складку, а платья девочек в сборку

Современная детская мода живет не по тем законам, что взрослая. Носить один и тот же фасон целый век — разве взрослая мода в XX в., не говоря уж про XXI, потерпела бы такое? А платья «американского» фасона (прямая юбка в сборку или в складку на небольшой кокетке) как вошли в моду для девочек в Америке и России в 1900-е гг., так и не выходили из нее сто лет [Васильев 2008: 161]. Да и сегодня вы без труда можете найти их в американских интернет-магазинах, если наберете в строке поиска “smocked dress”. Одежда в самом дорогом сегменте рынка наиболее старомодна — разве это является правилом в мире «прет-а-порте»? А для детей (см., например, некоторые снимки из серии «Маленькие взрослые» Анны Складманн: <<http://www.annaskladmann.com/>>) круглые белые воротнички, короткие штанишки, приталенное платье с расклешенной юбкой и рукавами-фонариками в стиле 1950-х гг. и прочие старомодные вещи считаются особым шиком и дорого стоят.

Ольга Юрьевна Бойцова
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
boitsova@gmail.com

В современной детской моде нет ежесезонной смены своих собственных, отличных от взрослой моды трендов. То, что выдается за таковые специально для «модных родителей», повторяется из года в год. Например, вот что можно было узнать в разные годы

о расцветках детской одежды на портале <<http://kindermoda.ru/>>: «Модные расцветки: полоска, клетка, горох, цветочные узоры» (2007); «полоска — фаворит сезона» (2008); «Множество полос разных видов и ширины украшают коллекции для мальчиков» (2009); «В узорах встречаются цветы, полоски, клетка, горох, либерти» (2010); «Очень модной становится полоска» (2011; автор «Киндермоды» выделяет слово «полоска», а я бы выделила слово «становится»: как, опять?..). Последовательных изменений так мало и в то же время модному дискурсу они столь необходимы, что тенденцией моды для детей объявляются свобода выбора, демократичность и отсутствие диктата: носите что хотите!

Когда современные родители одевают ребенка, они руководствуются отнюдь не только веяниями моды и своими финансовыми возможностями. Их выбор определяется множеством других соображений, не применимых к взрослой одежде: «как быстро это испачкается и порвется», «удобно ли в этом ползать, прыгать, висеть вверх ногами», «можно ли передать это “по наследству” сиблингу другого пола», «не примут ли в этом ее за мальчика, а его за девочку», «не провоцирует ли такая одежда педофилов» и даже «не вырастет ли он гомосексуалистом, если его так одевать».

В таком случае есть ли вообще в детской моде закономерности, которые позволили бы хоть как-то описать этот кажущийся хаос? Они должны быть. Матросский костюмчик конца XIX в. (еще одна «ультрамодная» в течение полутора веков вещь!) мы сможем по фотографии отличить от матроски начала XXI в. («культурную историю матроски» см. в работах: [Kuhn, Kreutz 1989; Роуз 2012–2013]). Интуитивно понятно, что система детской моды существует — это подчас неуловимые различия фасонов и цветов, на полную смену которых могут уйти десятилетия, а то и столетия.

Джо Паолетти в книге «Розовое и голубое: различие мальчиков и девочек в Америке» как раз и выстраивает перед читателями эту систему. Кропотливо и аккуратно она раскладывает по полочкам длинные младенческие платья, отделяя их от коротких младенческих платьев, и ромперы, отделяя их от комбинезонов на пуговицах (*button-on suit*). История, которую автор разворачивает перед читателем, начинается в XIX в. и доходит до сегодняшнего дня: вы можете прочитать о новейшей тенденции надевать джинсы-скинни на младенцев (Р. 134) и тут же увидеть их своими глазами в соседнем торговом центре. При этом перед нами не просто история костюма, изложенная в хронологическом порядке: автора интересует не столько вопрос о том, как менялась одежда детей, сколько —

почему она менялась и какие связи можно проследить между модным и другими дискурсами, например, популярной психологией или феминизмом. Для того, кто прочтет «Розовое и голубое», мир детской одежды уже никогда не будет выглядеть хаотичным или бессмысленным.

Исследование и работа над книгой заняли у автора тридцать лет, и не удивительно, что результат близок к совершенству. Все положения и доказательства выверены, иллюстрации к каждой главе подобраны вдумчиво, структура из семи взаимосвязанных глав постоянно поддерживает интерес читателя, но не дает забыть, о чем говорилось раньше, язык отточен (насколько об этом может судить не носитель английского), и чтение этой монографии само по себе доставляет наслаждение.

Среди разнообразных видов источников, на которых основан труд Паолетти, хочется особо отметить публиковавшихся в журналах бумажных кукол с комплектами одежды. Изучение музейных экспонатов может оставить у исследователя впечатление, что «девочек было в пять раз больше, чем мальчиков, они проводили половину жизни на праздниках, едва ли когда-либо спали и никогда не пачкались» (Р. XVI). Между тем бумажные куклы, напечатанные для детей в женском журнале за конкретный год, дают представление о том, что следовало носить мальчику или девочке на прогулку, в гости, на праздник и на ночь, т.е. представление о повседневных практиках одевания. Правда, на российском материале я обнаружила, что этот источник иногда может демонстрировать неожиданные искажения и архаизмы¹, о чем Джо Паолетти не упоминает.

Для объяснения изменений в детской одежде автор обращается к историческим концепциям детства, которые стояли за мотивами родителей: «невинное дитя», синонимичное «бесполому существу», и «мужественные мальчики», что на деле означало «не похожие на девочек». Учитывает она и другие факторы, влиявшие на рынок детской одежды, такие как развитие технологий: благодаря широкому внедрению УЗИ в конце XX в. будущим родителям до рождения становился известен пол ребенка — чуть ли не единственное, что они знали о своем малыше, что индивидуализировало его и на что они могли опираться, собирая ему приданое до родов.

Настоящей находкой исследования становится предложенный Паолетти поколенческий анализ. Он вскрывает один из, вероятно, основных движущих механизмов, которые стоят за сме-

¹ Так, в серии бумажных кукол «Маленькие модницы», опубликованной в России издательством «Махаон» в 2010 г. (художник В. Коркин), все девочки в качестве нижнего белья носят панталончики с оборками, что несколько не соответствует детскому белью 2000-х гг.

ной фасонов, оттенков и отделки в детской одежде, да и не только детской. В самом деле, взрослую моду устанавливают взрослые, а детскую моду диктует... кто? Тоже взрослые? Не просто взрослые, отвечает Джо Паолетти, а бывшие дети. Те мальчики, кого в конце XIX в. мучили «костюмом маленького лорда Фаунтлероя» и кто возненавидел его на всю оставшуюся жизнь — в том числе и на ту ее часть, когда они сами стали отцами. Те девочки, кого родители-феминисты 1960-х одевали в комбинезоны в стиле унисекс, а они мечтали о рюшах и Барби и сохранили эту мечту до того возраста, когда стали матерями. Колебания детской моды под пером автора покоряются поколенческому анализу, и изменения в одежде для детей за полтора столетия в Америке, порой неожиданные и стремительные, предстают перед читателем понятными и логичными.

Введенный Паолетти поколенческий анализ представляется очень продуктивным методом для объяснения динамики детской и даже взрослой моды. Он мог бы объяснить переход отдельных предметов из детского гардероба в следующем поколении во взрослый, что кажется странным с точки зрения более низкого статуса всего детского по сравнению с взрослым, — переход, который совершили в XX в., к примеру, кеды. Поколенческий анализ также мог бы объяснить, почему старомодные фасоны детской одежды дольше всего сохраняются в качестве выходных нарядов (и посоперничать с объяснением в терминах народного костюма, где праздничная одежда дольше всего остается традиционной): в детстве нынешних родителей так одевали по самым важным случаям самых красивых мальчиков и девочек!

В столь тщательно сделанном труде, как книга «Розовое и голубое», трудно найти повод для критики. Вопрос возник у меня при чтении следующего пассажа: «Консервативные родители обычно отвергали несексистское воспитание детей вместе с элементами феминистской идеологии, а менее “идеологически заряженные” родители просто считали гендерно нейтральную одежду менее привлекательной» (Р. 113). После того как автор выше продемонстрировала исторические основания кажущейся (не)привлекательности той или иной одежды для тех или иных родителей, на этом месте невольно хочется спросить: почему гендерно нейтральная одежда могла считаться непривлекательной? Ведь не может же ответом для социального исследователя быть «потому что она и правда некрасивая»!

Мои более серьезные возражения вызвала одна методологическая посылка. Джо Паолетти, будучи специалистом по материальной культуре и американским исследованиям и применяя

методы и подходы культурной истории и социологии моды, не просто не использует, а прямо отвергает семиотику. Для обоснования своей позиции по отношению к семиотике она приводит в пример длинное белое платье для младенца: «Если мы попробуем “прочитать” значение этого предмета одежды, используя наш собственный презентистский лексикон, мы интерпретируем его как крестильную рубашку, вероятно, для девочки. Чем больше мы узнаем про историю этого одеяния, тем дальше нам придется уйти от идеи простого языка моды, который можно использовать для анализа значения вне специфического контекста» (Р. 5). Между тем семиотический анализ не представляет собой вычитывание «значений» вне контекста, а наоборот, с необходимостью предполагает контекст — совершающийся в определенный момент в конкретном месте акт коммуникации, в котором происходит «выскалывание» на «языке моды». То, что один и тот же предмет в разное время означал младенца без различия пола / девочку или повседневную / обрядовую одежду, не противоречит семиотическому анализу. Скорее наоборот, выяснение значений предмета в разных контекстах может стать интересной семиотической задачей.

Мне представляется, что именно для исследований детской одежды семиотика является не просто приемлемой методологией, а одной из самых подходящих. Ведь помимо моды и прежде моды, детский гардероб регулируется своей различительной функцией: он должен отличать детей от взрослых, мальчиков от девочек, малышей от старших дошкольников, тех и других от младших школьников, а тех, других и третьих от подростков. Нельзя забывать и о том, что взрослые, одевающие детей, таким образом конструируют свою идентичность, на «языке» одежды своих детей «сообщая» окружающим о своем материальном положении, образовательном уровне, этнической принадлежности. Иными словами, детская одежда — это всегда знак. Иногда мельчайшая деталь имеет значение, и книга «Розовое и голубое» наполнена такими деталями: например, платья мальчиков во второй половине XIX в. чаще шили в складку, а платья девочек — в сборку (Р. 31).

Более того, мне представляется, что всю область детской одежды можно было бы описать в виде противопоставлений: взрослый / ребенок, большой / маленький, мальчик / девочка — в придачу к оппозициям, в системе которых функционирует взрослое платье (о них в приложении к народному костюму см.: [Богатырев 1971]). В этих воображаемых координатах детский наряд отнюдь не является простейшей униформой со знаками отличия, а способен передавать тончайшие нюансы и оттенки смысла. Так, помочи (leading strings), которые пришива-

лись к детским платьям в XIX в., судя по некоторым портретам, исчезали с мальчишеских платьев в более раннем возрасте, чем с платьев девочек (Р. 31) и потому могли не только сообщать окружающим пол и возраст надевшего платье ребенка, но и кодировать на «языке одежды» представление о девочках как нуждающихся в большем контроле.

Семиотика есть там, где есть выбор, которому можно придать значение, — выбор предмета одежды, фасона, расцветки, украшений, в конце концов, выбор того, отпороть ли помочи от платья сейчас или оставить на потом. Джо Паолетти подробно разбирает, из чего могли выбирать родители на рубеже XIX и XX в., когда в связи с новыми психологическими теориями потребовалось «маскулинировать» мальчиков (Р. 78): длина волос (зависела от индивидуальных особенностей ребенка, а потому не очень годилась), одежда со штанинами (подходила в качестве маркера для той эпохи, когда все дети носили платья, но перестала быть таковым, когда женщины и девочки надели брюки) и такие особенности одежды, как ткань, отделка, покрой и цвет, распределение которых между мальчиками и девочками продолжалось в течение всего XX в., так что к настоящему моменту не разделенной по полу детской одежды остается исчезающе мало.

Автор пишет о том, что белое младенческое платье включает детей в мир женщин и отсылает к идеализированной женственности — таким ее чертам, как зависимость, чистота, хрупкость — не называя это коннотациями (Р. 21, 26). Для примера того, как можно было бы развить идеи Паолетти семиотически и использовать материал ее книги с применением семиотического анализа, возьмем положение застежки у тех предметов одежды, которые равно представлены в гардеробе мальчиков и девочек, мужчин и женщин. Семиотический анализ состоит не в том, чтобы просто зарегистрировать: «ширинка спереди», «молния на боку», «крючки на спине» и приписать соответствующие застежки мужчинам или женщинам, мальчикам или девочкам, постулировав еще один знак их отличия друг от друга в одежде, а в том, чтобы выяснить коннотации конкретной застежки — к примеру, предполагаемую способность или неспособность одеться самому. Когда все дети носили платья, в одной из рекомендаций застежка на спине отличала девочку от мальчика, чье платье застегивалось спереди (Р. 81), а пассаж о женских брюках 1960-х гг. с «более женственной» застежкой сзади (Р. 101) поразил меня неудобством этого предмета, хотя такие брюки можно встретить и сегодня. Случайно ли, что в наше время только женская и детская одежда может иметь застежку сзади? Женщинам, чья застежка на одежде помещается более неудобно, чем у мужчин, скорее понадобится помощь

в одевании, что отсылает к представлениям о самостоятельности / несамостоятельности мужчин и женщин в нашей культуре.

Итак, работа Джо Паолетти, эксплицитно отвергая семиотическую методологию, ставит семиотические задачи, содержит семиотический материал и рассматривает семиотические кейсы. Я бы сказала, что семиотикам безусловно стоит читать книгу «Розовое и голубое» и продолжать исследования детской одежды, развивая поднятые в этой книге темы.

Библиография

Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 299–366.

Васильев А. Русская мода. 150 лет в фотографиях. М.: Слово, 2008.

Роуз К. Матросские костюмы конца XIX века: к чему такое единообразие? // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2012–2013. № 26. С. 55–95.

Kuhn R., Kreuz B. Der Matrosenanzug: Kulturgeschichte eines Kleidungsstücks. Dortmund: Harenberg Edition, 1989.

Ольга Бойцова